

© *Поплавская Т. Н.*

параметри структури) визначаються імовірнісними законами розподілу.

За апріорної невизначеності відомостей про структуру системи, коли існує можливість декомпозиції складної системи в просторі її параметрів відповідно до значень цільових змінних (вихідних і управляючих).

У разі потреби проведення багатоваріантних розрахунків, що характерно для процесів дослідження складних систем та процесів.

При дослідженні систем великої складності, експериментування з якими неможливе, або вимагає великих матеріальних витрат.

Таким чином, імітаційне моделювання є перспективним методом вивчення складних явищ і процесів шляхом створення та наступного аналізу їх моделей при активній участі дослідника в ході імітаційного експерименту. Оскільки підвищена складність і невизначеність політичного процесу не викликає сумнівів, представляється абсолютно виправданим та вкрай бажаним запровадження методів імітаційного моделювання у дослідження політичних процесів. Перспективу для подальших досліджень представляє розгляд накопиченого в науці досвіду використання цих методів при аналізі внутрішньополітичних процесів та міжнародної політики.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Плотинский Ю. М. Модели социальных процессов / Ю. М. Плотинский. — М. : Логос , 2001. — 296 с.
2. Павловский Ю. Н. Имитационное моделирование / Ю. Н. Павловский, Н. В. Белотелов, Ю. И. Бродский. — М. : Изд. центр «Академия» , 2008. — 240 с.
3. Советов Б. Я. Моделирование систем / Б. Я. Советов, С. А. Яковлев. — М. : Высшая школа , 2007. — 343с.
4. Шеннон Р. Имитационное моделирование систем – искусство и наука / Р. Шеннон. — М. : Мир , 1978. — 418 с.
5. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1947. — Т. IV.
6. Малинецкий Г. Г. Предисловие: Россия. Будущее. Академия / Г. Г. Малинецкий // СССР и Россия в глобальной системе (1985 – 2030): результаты глобального моделирования. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ» , 2009. — С. 7-53.
7. Самарский А. А. Математическое моделирование. Идеи. Методы. Примеры / А. А. Самарский, А. П. Михайлов. — 2-е изд., испр. — М. : Физматлит , 2001. — 320 с.
8. Моисеев Н. Н. Идеи естествознания в гуманитарной науке: о единстве естественно-научного и гуманитарного знания / Н. Н. Моисеев // Человек. — 1992. — Вып. 2. — С. 5-16.

Поплавская Т. Н. – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії та соціології Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет»

УДК-129.

БЕССМЕРТИЕ ДУШИ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

У статті розглядається проблема безсмертя душі і варіанти її рішення як в древніх цивілізаціях, так і у наш час. Дана проблематика відноситься до категорії «вічних питань» і для кожного покоління філософів і не лише, має нескороминущий інтерес.

Ключові слова: душа, еволюція духу, безсмертя.

В статье рассматривается проблема бессмертия души и варианты ее решения как в древних цивилизациях, так и в наше время. Данная проблематика относится к категории «вечных вопросов» и для каждого поколения философов и не только, имеет непреходящий интерес.

Ключевые слова: душа, эволюция духа, бессмертие.

In the article the problem of immortality of the soul and variants of its decision is examined both in ancient civilizations and in our time. This problem falls into the category of «eternal questions» and for every generation of philosophers and not only, has intransient interest.

Keywords: soul, spirit evolution, immortality.

Постановка проблемы. Проблема бессмертия души, ее понимание и толкование относится к вечным проблемам, ее актуальность не угасает, так как каждое новое поколение философов пытается найти ответы на самые сакральные вопросы каждого человека: «Если наша умственная или духовная жизнь заканчивается вместе с тем, как велением рока обрывается биение сердца, если мы вместе со смертью превращаемся в ничто, в безжизненную материю, подлежащую разложению и дальнейшим превращениям, то спрашивается, чего стоит сама жизнь? Если вместе со смертью навсегда прекращается существование человека, то спрашивается, к чему наши заботы о будущем? К чему, наконец, понятие долга, если существование человеческой личности прекращается вместе с последним предсмертным вздохом? Ведь если нет бессмертия, то в жизни нет, и не может быть морали, тогда выступает роковое: «все дозволено!».

Не правильнее ли тогда ничего не искать от жизни и только наслаждаться теми утехами, которые она дает, ибо с прекращением жизни все равно ничего не останется. Сейчас так думают многие, отсюда и причина глобальных экологических, духовных и экономических кризисов!

Корни данной проблемы, как представляется, в доминирующем в настоящее время научном мировоззрении, которое формировалось на протяжении трех предшествующих столетий.

Современная наука, невзирая на огромные достижения, оказалась на грани полного невежества в фундаментальных механизмах, лежащих в основе природы интеллектуальных и духовных психических процессов как индивидуального, так и коллективного свойства. Безосновательное позитивистское убеждение в том, что индивидуальная жизнь это лишь короткий эпизод после которого безвозвратно исчезает психическое ядро человеческой индивидуальности с накопленным ею интеллектуально-духовным опытом, доминирует в сознании современного человека. Такое положение вещей порождает массовые эгоистические тенденции и поведенческие стратегии, направленные на максимальное удовлетворение всех желаемых материальных потребностей, независимо от их будущих локальных или глобальных последствий в будущем.

Цель данной статьи – обозначить современные научные подходы к исследованию феномена бессмертия души, сравнив с тем, как его понимали в Древнем мире – в индийской, китайской, египетской и греческой цивилизациях.

Основанием практически всех философско-религиозных учений мыслителей данных культур выступают три очень важных идеи – идея многомерности Космоса, идея многомерности Человека, а также идея развития или эволюции Космоса и Человека.

В контексте данной статьи нами рассмотрена идея о многомерности Человека как существа космического и эволюционирующего.

Теория многомерности человека предполагает существование нескольких аспектов его сущности или систем тел – физического и энергетических. Постулируется, что многомерная сущность человека отражает в себе многомерную природу бытия [3]. Емкой иллюстрацией здесь является древняя аксиома: человек есть микрокосм, содержащий в себе Макрокосм.

Разные культурные традиции по-разному объясняли многомерную природу человека, однако всех их объединяет одна идея – человек имеет земной, смертный аспект своей сущности и космический бессмертный. Первый есть олицетворение тленной материи. Второй - олицетворение нетленного духа. Так, в Древнем Египте природу человека представляли в виде взаимодействующих и взаимодополняющих семи принципов-начал, четыре из которых могут быть отнесены к надземному (трансфизическому) уровню бытия или космическому измерению человека (Атму-Божественная или Вечная душа; Путах - Первый Отец; Саб – Наследственная душа; Акху-ум или Восприятие), и три к земному бытию или биологическому измерению человека (Кха-ба-тень; Ба- душа дыхания; Кха-тело) [5].

Причиной выделения и противопоставления двух начал человека, скорее всего, является представление о неравноценности их, говоря современными понятиями, онтологических статусов. Одно начало соотносится с непреходящими аспектами бытия. Следовательно, олицетворяет истинное существование, неподвластное страданиям и действию времени. Через это начало человек может приобщиться к космической жизни, стать со-равным богам. Другое же принадлежит вечно меняющемуся, непостоянному, а значит, смертному земному миру. Человеческая жизнь в нем - лишь мгновение. При этом низшее, телесное начало иногда вообще отделяется от истинной сущности человека или его субъективно-сознательного мира.

Данные представления оказались, при более подробном ознакомлении, очень характерными и для индийской духовной культуры. «Упанишады, – считает С. Радхакришнан, – отказываются отождествлять «я» с телом или рядом душевных состояний...» [7, с.236]. В основе такой позиции

лежит представление, согласно которому: «внутреннее бессмертное «Я» и великая космическая сила – это одно и то же. Брахман – это Атман и Атман – это Брахман» [7, с.246].

Эволюция духа, – согласно древнеиндийской традиции, есть постоянная смена энергетических и физических оболочек (форм), через которые он проявляется в тонких и плотных мирах. На человеческой ступени развития это выглядит следующим образом. Бессмертное духовное ядро – Космическая Индивидуальность (Атма-Буддхи-Манас) проявляется в очередном физическом теле. Постепенно формируется земной аспект сущности человека, т.е. сознание земной личности, связанное с физическим телом. Когда земная жизнь человека заканчивается, белково-нуклеиновое (физическое) тело и сопряженная с ним эфирная (астральная) оболочка подвергаются разложению. Однако духовный (космический) аспект сущности человека продолжает свое бытие в трансфизических мирах. Его физическую основу составляют полевые формы материи, которые и являются носителями, как личного сознания человека, так и безличного сознания его космической Индивидуальности. Постепенно первый аспект сознания поглощается вторым, то есть одна энергия «впитывает» в себя другую энергию. Позитивный опыт земной личности наполняет «резервуар» духовной Индивидуальности. Когда энергия личного сознания полностью угасает, духовное ядро опять воплощается в новой физической форме. Микроцикл эволюции повторяется вновь. «Всякая вещь, поскольку она форма – уничтожается; поскольку же она сила или жизнь, она будет продолжать свое существование» [1, с. 9].

Рассматривая две различные стороны человеческой природы (конечную и бесконечную) со стороны морали, индийские философы приходят к выводу об их конфликтном противостоянии. Вызвано оно тем, что конечное живет эгоизмом или ахан-карой и вселяет в индивида чувство его обособленности от мира. В то время как бесконечное в человеке стремится реализовать себя в мире.

Очень важно понимать смысл этой борьбы, а также и смысл всех этих превращений и перевоплощений. Практически во всех древних религиозно-философских учениях присутствует идея спасения или освобождения, причем и то и другое считается высшей целью человеческой жизни. Напрашивается вопрос: отчего освобождаться или спасаться? Спасение или освобождение происходит в результате длительных духовных практик от страданий, смертей и рождений, для того, чтобы выйти в истинную, не подвластную страданиям реальность, надземное, сверхчувственное бытие «Из человека рождается бог, ибо произошел он от божественного» [10, с.304], – гласит одна из табличек, найденная на месте захоронения орфиков. Что они подразумевали под «рождением бога»? Если попытаться отойти от мифологической образности и традиционных теологических трактовок понятия «бог», то один из ответов на этот вопрос может предполагать возможность развития (эволюции) человека в какое-то высшее духовное существо, обязательно бессмертное.

Интересной будет, – в данном контексте, – буддийская доктрина Нирваны. Достижение Нирваны «прекращает перерождения, – считает известный историк индийской философии Д. Чаттерджи, – и, следовательно, означает прекращение всякого страдания и условий, порождающих будущую жизнь в этом мире, это не значит, однако, что после смерти освобожденный святой не пребывает в какой-либо иной форме» [1, с.129]. В то же время, достижение нирваны Е. И. Рерих рассматривается как осуществление «полного развития всех возможностей, заложенных в человеческом организме» [9, с.148]. В «Учении Живой Этики», в книге «Сердце» дается также объяснение данному состоянию: «... так называемое состояние Нирваны не есть покой, но высшее напряжение энергии», – и далее, – «как можно вообразить себе покой, если все в движении и движением существует?» [9, с.148].

Таким образом, данные трактовки Нирваны подразумевают не только наличие иных, отличных от природного уровней бытия, но и момент прогрессивного развития сущности человека. В конечном счете, этот процесс приводит к полному качественному преобразению: смертный страдающий человек становится высшим существом - Буддой или Бодхисаттвой.

Культ Бодхисаттв - загадочных полубожественных существ - в буддизме Махаяны представляет особый интерес. По мнению выдающегося востоковеда Ю.Н. Рериха, термин Бодхисаттва «призван передать идею существа, которое содержит в себе сокровище Бодхи (высшее сознание)» [8, с.31]. Причем само достижение ступени Бодхисаттвы буддисты связывают с духовной эволюцией человека или его путём, в котором выделяют несколько этапов. Почитание таких наделенных высшим сознанием существ, прежде всего, связано с тем, что «из безграничного сострадания к человечеству они отказываются от достижения Нирваны (т.е. перехода на иной уровень бытия) и остаются в этом мире для того, чтобы помогать устремленным живым существам и проповедовать Закон» [8, с.43].

Возможность духовного преобразования и освобождения от мук сансары в буддизме также как и

в других учениях, связывается с особенностями многомерной природы человека, которую мы уже рассматривали выше.

Несомненно, такие представления, как в буддизме, так и в джайнизме, могут вплотную касаться неизвестного процесса, который мы обозначаем как *космическая эволюция человека*.

Параллельно подобная проблематика, хотя и со своими акцентами, отражается и в китайской философии. В центре внимания даосизма – одного из важнейших философских учений Древнего Китая – находится природа, космос и человек. И здесь также проводится мысль о постоянном изменении и движении мироздания. Одно из центральных понятий – Дао, т.е. единый путь природы, общества и человека, следуя которому человек сливается с космосом и достигает бессмертия. Таким образом, и здесь проводится чрезвычайно важная мысль о глубинных связях космоса и человека и возможности преодоления последним своей земной обусловленности.

Учения о космосе, типичные для всей древней мифологии и философии, вылились в яркий космоцентризм, особенно характерный для ранней греческой философии (V-I вв. до н.э.). Здесь формируется само понятие «космос», в которое вкладывается представление об организованном и упорядоченном бытии. Ему противостоит хаос – состояние неупорядоченное и лишённое всякой организации.

Наиболее разработанная онтология многомерного бытия была представлена Платоном в диалогах «Парменид» и «Тимей», в которых ярко прослеживается его приверженность пифагорейской концепции мироздания. Он выделил несколько уровней бытия: *Мир Идей- бытие, Мир Вещей – промежуточный мир становления, Мир материи - небытие*. Эта система охватывается Мировой душой – принципом движения, которая связывает все в единое целое. Кроме того, афинский философ вводит понятие «Единого», отождествляемого с высшим Благом, которое не относится к сферам бытия, оно выше бытия, так как само заключает в себе их возможность [6].

Платон также был убеждён, что душа космоса творится демиургом раньше тела космоса, построенного из материи. Душа пронизывает и объёмлет материальный космос. По аналогии с космосом, в человеке материя и дух так же сосуществуют, как тело и душа. Одно смертно, другое бессмертно. Душа человека творится из той же сути, из которой образована душа космоса. То есть Платон ясно говорит о *космическом начале*, пребывающем в человеческом существе, которое наделено бытием, со-вечным бытию космоса. Такое утверждение также может означать всеобъемлющее отражение Макрокосмического целого в Микрокосмической единице – человеке. На базе этих постулатов, Платон развивает свое учение о метемпсихозе – переселении души и опыте ее посмертного существования в диалоге «Государство». Данное учение органически сопрягается у философа с учением о роли нравственного начала в земном бытии. Он утверждает, что посмертное бытие души напрямую зависит от пройденного ею земного пути и накопленных человеческих качеств. У мудреца и преступника – разные «небесные судьбы». В мироздании правит великий космический закон «нравственного воздаяния» или «причины и следствия», согласно которому каждому суждено получить по заслугам: не в этом – так в горнем мире, не в этой жизни – так в последующей! Как говорится: «Что посеешь – то и пожнешь». Разве не изменилось бы отношение современного человека к его земным обязанностям, если бы он признавал неизбежный факт расплаты за совершенные дурные деяния и необходимость их последующего искупления? А ведь слишком много оснований считать, что не могут заблуждаться тысячелетние религиозно-философские традиции на Западе и на Востоке, поразительно схожие в трактовке сущности человеческой души и факте ее посмертного существования; и что заблуждалась-то как раз самоуверенная европейская наука XVII-XX веков, пытавшаяся объяснить феномен человека как творческого и духовного существа, исходя исключительно из его телесной организации и социальных условий существования. Здесь совершалась типичная логическая ошибка: «при условии – не значит по причине».

Однако, справедливости ради, следует отметить работы немногих ученых, как у нас в стране, так и за ее пределами, посвященных исследованию проблемы бессмертия души с самых разных мировоззренческих позиций.

Так, еще в начале XX века известный психиатр, академик Бехтерев В. М., в своей речи, произнесенной на торжественном акте Психоневрологического института в феврале 1916 года отмечал: «...«духовная» личность человека, имея самодовлеющую ценность, никогда не исчезает бесследно и таким образом каждая человеческая личность, имеющая в себе опыт предков и свой жизненный опыт, не прекращает своего существования вместе с прекращением индивидуальной жизни, а продолжает его в полной мере во всех тех существах, которые с ней хотя бы косвенно соприкасались во время ее жизни, и таким образом живет в них и в потомстве как бы разлитой, но

зато живет вечно, пока существует вообще жизнь на земле» [2] «Вот почему так называемая загробная жизнь, т.е. жизнь за гранью телесной формы человеческой личности, несомненно существует: в форме ли индивидуального бессмертия, как определенного синтеза, нервно-психических процессов, проявившегося в данной личности, или в форме бессмертия более общего характера, ибо содержание человеческой личности, распространяясь как особый стимул вширь и вглубь по человеческому обществу, как бы переливаясь в другие существа и передаваясь в нисходящем направлении к будущему человечеству, не имеет конца, пока существует хотя бы одно живое человеческое существо на земле» [2, с.268].

В конце XIX века американский теолог и философ, профессор Гарвардского университета Ралф Эмерсон в своем эссе «Опыты» использует сравнение идеи перевоплощения с лестницей, по которой взбирается человек. Он пишет: «Кто мы такие? Часть цепи, начала и конца которой мы не знаем, уверовав, что их и не существует. На миг пробудившись, мы ощути́м себя стоящими на лестнице: под нами - пролеты, которые мА, кажется, осилили, над нами - множество других пролетов, которые уводят все вверх и вверх, пока не теряются там, куда не достает взгляд. Но тот Гений, который, как считалось в старину, стоит у ворот, ведущих в сей мир, и каждому входящему дает испить из чаши забвения, чтобы не сочиняли небылиц, видимо, предложил нам слишком крепкого зелья, вот мы и во цвете жизни неспособны стряхнуть с себя летаргию. От рождения до смерти каким-то полусном окутаны наши глаза...»[11, с. 315].

В 1939 году на Международной конференции в Эраносе Карл Густав Юнг прочитал лекцию о метемпсихозе, впервые за многие годы развития европейской науки, обратив внимание на это явление человеческой психики. «Концепция перерождения, – пишет ученый, – не всегда используется в одном и том же смысле. Поскольку она имеет различные аспекты, было бы уместно в начале рассмотреть их отличительные черты. К пяти различным формам, которые я собираюсь перечислить, можно было бы добавить еще несколько, если быть более подробным, но я бы отважился предположить, что мои дефиниции исчерпывают как минимум основные положения. В первой вводной части я даю краткие определения различных форм перерождения, в то время как вторая часть описывает их психологические аспекты. В третьей части в качестве примера приведена мистерия перерождения, взятая из Корана»[12, с. 143].

Последователи и ученики Юнга, основатели глубинной и трансперсональной психологии: Станислав Грофф, Джеффри Мишлав, Абрахам Маслоу и др. разработали и внедрили в свою психологическую практику ряд методов, позволяющих на высоком профессиональном уровне исследовать измененные состояния сознания, в том числе выход из тела, путешествия в прошлые жизни, ощущение присутствия, связанное с длительной медитацией и состояние открытости, осознанные сновидения и эвристический опыт. Данные исследования расширяют горизонты научного знания и помогают исследователям при создании более полной картины мироздания.

Однако самое крупномасштабное исследование по строго разработанной научной программе было предпринято доктором психиатрии из Отдела психиатрии Университета Верджиния Яном Стивенсоном. В его трехтомной монографии [13] были статистически проанализированы 856 случаев реинкарнации в 6 странах с различной культурой и традициями. Объектом исследования являлись дети в возрасте от 2 до 7 лет, которые имели достоверные воспоминания о своей прошлой жизни. На основании этого проводилась идентификация личности их предыдущего воплощения, проверка справедливости информации по рассказам семьи умершего или погибшего человека, очные ставки ребенка с его бывшими родственниками. Все описанные случаи были разделены на два типа: разрешенные (полностью верифицированные) и неразрешенные (частично верифицируемые), ввиду недостаточной информации, полученной из рассказов ребенка. Особое внимание уделялось анализу генетически не наследуемых соматических особенностей (телесных стигм) таких как родимые пятна, невусы (родинки), врожденные аномалии. Их локализацию сопоставляли со смертельными ранениями и травмами у умерших или погибших людей, с жизнью которых ребенок отождествлял себя в своих воспоминаниях. На вопрос: «Почему дети, а не взрослые, стали объектом его исследования? Я.Стивенсон отвечает: «Я подозрительно отношусь к случаям, где субъектом является взрослый, потому что в действительности нельзя контролировать влияние на подсознание информации, которая окружала взрослого»[13, р. 234]. И в другом месте: «Взрослые люди, говоря о своем перевоплощении, имеют склонность слишком быстро его интерпретировать, бросаются к энциклопедиям и книгам по истории и пытаются дать свое собственное толкование. Зачастую человек решает, что он был какой-то знаменитостью. В действительности же это очень глупо. В этом случае воображение создает нечто вроде перевернутого конуса на маленькой основе первоначального опыта.

Дети обычно не занимаются толкованием; они просто рассказывают. Для них это очень ясно и ярко» [14, с. 356].

Профессор Пратт пишет по поводу данного исследования: «На Западе, где идея перевоплощения в общем не принимается, есть тенденция игнорировать, подавлять или снисходительно улыбаться рассказам детей о прошлых жизнях» [4, с. 144]. С ним согласен и Я.Стивенсон, который замечает, что на Западе субъект или его родители часто не сообщают о случаях, связанных с перевоплощением, из-за боязни быть осмеянными и подвергнуться критике. По словам исследователя, в настоящее время количество случаев, достойных рассмотрения, намного превышает возможность изучить их силами его команды. «Существуют места в нескольких странах, где можно легко найти огромное количество случаев, но вся проблема заключается в том, чтобы их изучить» [14, с. 412]. Авторы книги «Первоплощение. Новые горизонты» С. Крэнстон и К. Уильямс, пишут об исследовании Я. Стивенсона: «Стивенсон собрал достаточное количество примеров, чтобы сделать выводы о том, какие особенности, характерные для случаев с перевоплощением, являются наиболее распространенными. Поскольку они встречаются в ситуациях с людьми из различных уголков земли, они не могут быть частью какой-то отдельной культуры, представители которой верят в перевоплощение, и это свидетельствует об их подлинности» [4, с. 83-84].

Выводы. Трудami вышеперечисленных ученых, и многих других, о которых объем данной статьи не дает возможности более подробно говорить, была убедительно доказана нелокальность психики человека, ее способность функционировать за пределами своей организменной – белково-нуклеиновой формы в физически ином пространственно-временном континууме биосферы, а также явление реинкарнации, иллюстрирующее бессмертие человеческой души, ее странствия во времени и пространстве, и что самое главное, обнаружение этической составляющей данного феномена, способной придать смысл и человеческой жизни, и моральным законам, и процессу самосовершенствования человеческой личности, включенной в Единый космический поток творческой эволюции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Браман Чаттерджи Сокровенная религиозная философия Индии / Браман Чаттерджи ; пер. с англ. В. И. Кальянова. — М. : Иностранная литература, 1956. — 560 с.
2. Бехтерев В. М. Бессмертие человеческой личности как научная проблема / В. М. Бехтерев психика и жизнь. Избранные труды по психологии личности. — СПб. : Алетейя, 1999. — 670 с.
3. Заречный М. Квантово-мистическая картина мира. Структура реальности и путь человека / М. Заречный. — СПб. : Весь, 2007. — 208 с.
4. Крэнстон С., Уильям К. Первоплощение. Новые горизонты в науке и религии / С. Крэнстон, К. Уильямс; пер. с англ. — М. : ИДЛи, 2001. — 464 с.
5. Муата Эшби Воскресение Осириса. Древнеегипетская библия / Муата Эшби ; пер. с англ. — Киев. : София, 1998. — 176с.
6. Платон. Соб.соч. в четырех томах / Платон ; Пер. с древнегреч. — М. : Мысль, 1993.
7. Радхакришнан С. Индийская философия / С. Радхакришнан ; пер. с англ. и ред. Н. М. Макарова. — М. : Иностранная литература, 1956. — 543 с.
8. Рерих Ю. Н. Буддизм и культурное единство Азии / Ю. Н. Рерих. — М. : МЦР, 2002. — 356с.
9. Учение Живой Этики: В трех томах. / Сост. Г. Е. Чирко. — СПб. : Просвещение, 1993. — Т.1. — 586 с.
10. Холл М. Энциклопедическое изложение масонской, геметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии / М. Холл. — М. : Эксмо; СПб. : Terra Fantastica, 2003. — 960 с.
11. Эмерсон Р. Нравственная философия / Р. Эмерсон. — Минск-Москва : Харвест-Аст, 2001. — 384 с.
12. Юнг К. Г. Синхронистичность. Сборник / К. Юнг ; пер. с англ. — М. : Рефл-бук, 1997. — 320с.
13. Ian Stevenson. Cases of the Reincarnation Type. — Charlottesville, Virginia, University Press of Virginia, 1980, III; 351.
14. Ian Stevenson. Same Questions Related to Cases of the Reincarnation Type/- Journal of the American Society for Psychical Research/ October 1974, pp.396-397.